

«ГРЕЧЕСКИЙ ПРОЕКТ» И ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В постсоветской историографии сохраняется латентная тенденция оценивать даже далекие от нас имперские планы с державно-охранительных позиций. Наряду с сильным трендом неопозитивизма развивалась экспансия литературоведов на «территорию» историков. Однако разрыв между прагматическим и символическим планом внешнеполитического проектирования в текущих исследованиях сохраняется.

Ключевые слова: история международных отношений и внешней политики России, «греческий проект», историография.

Об авторе: Белов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории зарубежных стран Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. belov_mihail@mail.ru

История международных отношений и внешней политики являлась в СССР одной из престижных и привилегированных областей исследования, уступая в этом отношении, наверное, только истории КПСС и Советского государства. Равным образом она рассматривалась как одно из важнейших направлений идеологической борьбы, а существовавший в то время режим секретности в доступе к архивным документам (даже, если речь в них шла о событиях многовековой давности) теперь поражает своей суровостью. Остаточные элементы этой строгости в системе выдачи и работы с документами Архива внешней политики Российской империи знакомы читателям и самых последних лет. Впрочем, ныне они объясняются хранителями, как правило, ведомственной принадлежностью архива и тем, что фонды не переведены на пленку или электронный носитель. Однако теперь, к счастью, не требуется отдавать выписки,

сделанные в специальную тетрадь (и только тетрадь!), под безжалостные ножницы цензора¹.

Столь бдительный контроль следует связать с частичным включением великодержавного и имперского наследия России в советскую идеологию. Как представляется современным исследователям, этот процесс начался в середине или даже начале 30-х гг. XX в.²

Одним из отправных (впоследствии получившим статус легитимирующего) текстов в этой сфере исторического знания стал, конечно, отзыв И.В. Сталина на поздний историко-публицистический текст Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (1890), который порой рассматривается как завещание классика европейской социал-демократии по международным вопросам. Во всяком случае этот памфлет мог служить оправданием тому, что депутаты германского рейхстага от СДПГ в 1914 г. голосовали за военные кредиты, поскольку царизм в нем рассматривался как главный оплот реакции на европейской арене. В 1934 г. советский идеологический рупор – журнал «Большевик» – планировал опубликовать это малоизвестное русскому читателю сочинение к 20-летию юбилею начала Первой мировой войны. Сталин возражал, поскольку не хотел, чтобы текст Энгельса воспринимался как установочный. Однако его отзыв тогда предназначался лишь для редакции.

В печати записка Сталина появилась уже накануне Великой Отечественной войны (а именно, после присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии). В своем коротком отзыве, помещенном теперь в журнале на место передовой статьи и приобретшем тем самым вид руководящего указания для историков и пропагандистов, Сталин пи-

¹ Учитывая актуальные тенденции в исторической политике, уже нельзя вовсе исключать возвращения данного обычая. Режимы доступа к документам середины XX в. менялись на наших глазах в сторону их ужесточения. См.: Институты... 2005, 300-303, 375-411.

² Брандербергер Д.Л. 2009.

сал: «... завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща – не в меньшей, если не в большей степени – королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе такому императору буржуазной формации, как Наполеон, который, несмотря на свое не-царское происхождение, с успехом практиковал в своей внешней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверства, и подкупы, и убийства, и поджоги»³.

При всей справедливости или даже тривиальности такого замечания, по понятным причинам, маятник качнулся в противоположную сторону и достиг максимального апологетического отклонения в первом послевоенном (последнем сталинском) десятилетии. Тому способствовали обнаружение истоков победы советского народа над фашизмом в его славном дореволюционном (прежде всего, боевом) прошлом и начавшееся противостояние двух сверхдержав.

Но и в послесталинский период советским историкам было трудно совмещать осторожные оправдания внешней политики царизма с обязательными цитатами из Маркса и Энгельса. В условиях «холодной войны» все историки (и уж, конечно, те из них, кто занимался вопросами международных отношений и дипломатии) превратились в идеологических бойцов. Они должны были дать отпор антисоветской пропаганде, построенной на русофобии, тогда как классики марксизма выступали ее невольными пособниками⁴. Тем не менее среди позднесоветских, а затем и постсоветских историков обнаружились расхождения в оценке уровня агрессивности и масштабов экспансионизма Российской империи. Преобладала заданная ранее, еще в сталинские вре-

³ *Сталин И.В.* 1941, 3.

⁴ О расхождениях между оценками классиков марксизма и выводами советских историков см.: *Достян И.С.* 1991.

мена, стратегия оправдания этой экспансии как в основном ответной и / или объективно-прогрессивной⁵.

В этом отношении показательна историографическая судьба так называемого «греческого проекта», практическое содержание которого отвергалось, в основном по идеологическим мотивам. Еще в середине 80-х (в начале Перестройки) в итоговом сборнике по теоретическим вопросам истории имперской внешней политики⁶ была перепечатана статья О.П. Марковой 30-летней давности, посвященная этому сюжету⁷. Ретроспективно-охранительный характер сборника, вышедшего под редакцией академика А.Л. Нарочницкого⁸, прочитывается уже в самом его построении. Статья Марковой о «греческом проекте» открывала сборник, а замыкало его еще более давнее разоблачение подложного «завещания Петра I»⁹, и в этом контексте все опубликованные здесь работы воспринимались не иначе как ответ клеветникам Российского государства.

В начале статьи Маркова демонстрирует характерный для того времени, а по нынешним меркам причудливый, симбиоз классовых и органицистских подходов. Они вкупе с позитивистской традицией и составляли ее методологию: «Русская политика этого периода (второй половины XVIII в. – М.Б.) проводилась во имя “государственных польз”, но под “государственной пользой” прежде всего подразумевалась выгода правящих классов дворянской монархии». Однако, невзирая на то, «укрепление *братских чувств и связей* между этими народами (под гнетом Османской империи; кур-

⁵ См. несколько подробнее об этом: Белов М.В. 2012, 11–17.

⁶ Проблемы... 1986.

⁷ Маркова О.П. 1958.

⁸ Нарочницкий являлся координатором многих научных проектов по изучению имперской внешней политики в 1950–1980-е гг. Его позиции как историка сформировались в позд-несталинский период: Нарочницкий А.Л. 1950.

⁹ Данилова Е.П. 1946.

сив здесь и далее мой. — М.Б.) и русским народом¹⁰ способствовало росту их национально-освободительного движения. Войны, которые вела Россия с Турцией, *кровь ее сынов* способствовали торжеству этого движения и образованию самостоятельных государств, в том числе и Греческого государства». Что же касается русской территориальной экспансии, то она вполне оправдана, поскольку турецкое владычество в бассейне Черного моря «... искусственно задерживало рост русской торговли и освоение черноморских степей»¹¹.

На предложения Екатерины II о территориальном разделе Турции и восстановлении Греческой империи, изложенные в письме австрийскому императору Иосифу II от 10 (21) 1782 г., Маркова предлагает смотреть «...как на провокационный шаг русской дипломатии, как на документ макиавеллистической политики»¹², столь свойственной тому времени. Он служил «дымовой завесой» для тщательно скрываемого и реализованного на практике плана аннексии Крымского ханства. Элемент реализма в «греческом проекте» признается только за учреждением буферного государства Дакия (в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии), поскольку «вопрос о создании такого государства был постоянным требованием восточной политики России»¹³.

Превращение «греческого проекта» в обоснование исключительной агрессивности Российской империи стало, по мнению Марковой, хотя бы отчасти, следствием его изначальной функциональности, поскольку он был не только отвлекающим дипломатическим маневром, но также средством запугивания противника России в борьбе за Крым — Османской империи¹⁴.

¹⁰ Другие народы под властью Российской империи в счет не идут.

¹¹ Проблемы... 1986, 5.

¹² Там же, 13.

¹³ Там же, 15.

¹⁴ Там же, 17, 38. Эта тактика, однако, стала зеркальной, когда Англия накануне очередной русско-турецкой войны исполь-

Маркова упоминает далее об эллинофильских увлечениях Екатерины и Г.А. Потемкина, однако, подчеркивает: «Реальная внешняя политика России 60–80-х годов [XVIII века] определялась не модой, не придворной болтовней и не чувствами, воодушевлявшими поэтов, но трезвым расчетом, реальным соотношением сил ведущих держав, их противоречий, классовыми интересами господствующих верхов и внутренним состоянием страны»¹⁵. Таким образом, сама Екатерина II, ее фавориты и министры представляются идеальными фигурами в моделировании политического процесса как сугубо «рационального выбора»; воображение и честолюбие, которое, как признается Маркова, все же было свойственно Екатерине, в данном случае исключается в качестве значимого фактора «реальной политики»¹⁶.

Рассмотрение «греческого проекта» как образца макиавеллизма в духе *Realpolitik*, однако, вызвало у Марковой затруднения, когда она обратилась к пропагандистской стороне путешествия императрицы в Крым весной 1787 г. с его явными эллинофильскими и имперскими коннотациями. С некоторым смущением исследовательница была вынуждена заключить, что эта поездка сослужила «плохую службу русской дипломатии»¹⁷. Можно вполне согласиться с суждением О.И. Елисеевой о неполном соответствии документальных свидетельств, приведенных Марковой, со сделанными в ее статье выводами о фиктивности планов Екатерины II на этот счет¹⁸.

зовала пугало «греческого проекта», с тем чтобы приблизить Порту к себе. См.: там же, 33–34.

¹⁵ Там же, 30.

¹⁶ Там же, 38 (ср. упоминание о тщеславии Екатерины на с. 30). Здесь-то и кроется обратная («идеалистическая») сторона «политического реализма», отказывающегося рассматривать ограничения «рационального выбора».

¹⁷ Там же, 31–32.

¹⁸ Елисеева О.И. 2000, введение.

Нельзя, впрочем, сказать, что суждения Марковой являлись единственной позицией, высказанной в советской историографии по данному вопросу. Ранее А.Ф. Миллер, признавая, что в 80-е гг. XVIII в. «... “греческий проект” был чистой химерой», обратил внимание еще на одну его практическую и реализованную цель – «привлечение симпатий греков»¹⁹. А спустя несколько лет после первой публикации статьи Марковой А.М. Станиславская вступила с ней в прямую полемику²⁰. Не являясь единственным сценарием действий Петербурга на Балканах и в бассейне Средиземного моря, по мнению Станиславской, «“греческий проект” лишь формулировал крайний предел стремлений царского правительства и был выдвинут в надежде на стечение исключительно благоприятных международных условий, которого Екатерине II и ее преемникам так и не удалось дожидаться. Порожденный выгодной международной ситуацией начала 80-х годов, “греческий проект” фактически угас вместе с ней»²¹. При этом само выдви-

¹⁹ Миллер А.Ф. 1947, 66–68. Ср. при этом позицию академического издания, претендовавшего в свое время на итоговую оценку: «... царизм разрабатывал планы широких захватов на Дунае и Балканах, выражением которых явился известный “греческий проект”». Очерки... 1956, 323 (авторы раздела – С.Д. Сказкин и Ю.Р. Клокман). Впрочем, в другом разделе того же издания мы найдем уже иную оценку: «“Греческий проект” практически никогда не стоял в повестке дня русской дипломатии и угас вместе с породившей его международной обстановкой». Там же, 363 (авторы раздела – А.М. Станиславская и Ю.Р. Клокман).

²⁰ «О.П. Маркова совершенно права, энергично подчеркивая, что царизм в 80-х годах был не в состоянии осуществить “греческий проект”. Это не означает, однако, что часть русской правящей верхушки не могла строить планы экспансии в Средиземноморье. Выдвижение завоевательных планов и осуществление их — не одно и то же. О.П. Маркова же смешивает эти два вопроса в своей статье». Станиславская А.М. 1962, 53 (прим. 118).

²¹ Там же, 52–55 (цит. с. 53). Следуя по пути, проложенному Станиславской, И.С. Достян, Я. Тиктопуло и Г.А. Арш попы-

жение этого проекта, подчеркивает Станиславская, было симптоматично, будучи продиктовано стремлением смягчить внутренние проблемы Российской империи (начавшееся разложение феодально-крепостнической системы) с помощью внешней экспансии.

Лишь в конце 1991 г., как раз в момент распада Советской империи, в журнале «Родина» появилась статья Яниса Тиктопуло, в которой «греческий проект» предлагалось рассматривать уже не только как действительный (хотя предельный и в этом смысле утопичный) экспансионистский замысел, но и «... как серьезную, хорошо подготовленную акцию русской и австрийской дипломатии, не реализованную по совершенно конкретным причинам»²². В статье опровергались прежние версии истолкования «греческого проекта» советскими историками – химера, навеянная романтическими фантазиями Екатерины и ее сподвижников (А.М. Станиславская, И.С. Достян)²³, или «дымовая завеса» для покорения Крыма (А.Ф. Миллер, О.П. Маркова). И хотя статья называлась «Мираж Царьграда», в ней утверждалось: «Русский двор ясно представлял себе стратегическое значение обладания Константинополем. Во-первых, владение проливами, фактически

тались установить более точную дату политического угасания «греческого проекта». По их мнению, это начало 1790-х гг. *Достян И.С.* 1972, 41. *Тиктопуло Я.* 1991, 59. Арш, однако, предполагает сохранение идеи восстановления Византии «... в сокровенных мыслях российской императрицы... почти до конца ее дней». *Арш Г.А.* 2013, 47, 50–51. Кроме того, Достян и Тиктопуло указали на модельный характер «греческого проекта» для последующих планов русского правительства по политическому переустройству Балкан. Ср. похожую точку зрения, нерешительного в самостоятельной оценке «греческого проекта» автора: *Шеремет В.* 1996, 94–97.

²² *Тиктопуло Я.* 1991, 59–60.

²³ Тиктопуло здесь явно искажает суждения А.М. Станиславской. Позиция И.С. Достян по тому же вопросу представляла собой трудно уловимый компромисс, хотя она все же более склонялась к мнению Станиславской. *Достян И.С.* 1972, 36–42.

сузив южные границы России до одной точки, позволило бы обеспечить ее безопасность в самом уязвимом месте. Во-вторых, обладание Константинополем обеспечило бы русскую гегемонию в Средиземноморье и выдвинуло бы Россию в число великих морских держав. Особенно выделим значение нравственного фактора: освобождение греков позволило бы России вступить в византийское наследство и оказывать определяющее влияние на весь Восток... Екатерина верила в победу русского оружия, в талант своих полководцев и флотоводцев – Потемкина, Суворова, Ушакова, Мордвинова... Однако совокупность обстоятельств – яростное сопротивление турок, интриги западных держав, недостаточная решимость самих русских (во многом связанная со смертью Потемкина), а главное, события во Франции, сместившие все акценты европейской политики, – вынудили русскую императрицу согласиться на заключение мира в Яссах. Константинополь остался у мусульман»²⁴.

В 1990-е гг. Екатерина II триумфально возвратилась в пантеон великих российских государей и приблизилась к фигуре Петра Великого в рейтингах популярности у отечественных обывателей²⁵. Разумеется, этим

²⁴ *Тиктопуло Я.* 1991, 59. Значительная часть статьи, тем не менее, отведена «предыстории». В стремлении поместить «греческий проект» в широкий временной контекст Тиктопуло идет очень далеко, начиная с византийского брака Ивана III (но почему-то не с походов киевских князей). За ним в этом возделывании традиции, последовали и другие авторы 90-х и нулевых. Однако само по себе растворение «греческого проекта» Екатерины II в примерах «извечного» тяготения России/Руси к Константинополю довольно банально, оно является идиллическим переозначиванием столь же антиисторичной позиции критиков русской агрессивности и почти ничего не дает для понимания сути дела.

²⁵ *Левинсон А.Г.* 1996, 263. *Копосов Н.* 2011, 119, 171. Как заметил Копосов, Екатерина II заняла то самое место в сознании потомков, которое зарезервировала себе сама: достаточно вспомнить созданный при ее участии памятник Петру I.

триумфом памяти, свидетельствующим о мечтательной державной ностальгии постсоветского общества, Екатерина II была обязана не столько историкам, сколько масскульту, например, песням «Любэ» и И. Аллегровой, а еще раньше – «Царской охоте» Л. Зорина и «Фавориту» В. Пикуля. Заметим, одновременно происходила реабилитация-канонизация «государевых слуг»²⁶, того же Потемкина, которому посвящен популярный в позднесоветское время исторический роман, упомянутый выше, и других ее фаворитов. Активность историков нарастала под влиянием «странного юбилея» – 200-летия со дня смерти императрицы – и достигла пика на рубеже 90-х и нулевых²⁷, вылившись в целый ряд монографий, научных статей и новых документальных публикаций, в том числе посвященных «греческому проекту».

В написанной, судя по использованной литературе, где-то в 70–80-х гг. XX в., но опубликованной лишь недавно на русском языке статье, американский русист Д. Гриффитс призвал советских историков признать Екатерину II и Российскую империю не более и не менее агрессивными, чем были другие европейские монархии и их державы того времени. Доказательством этого, на его взгляд, и является «греческий проект»²⁸. Этот призыв почти буквально совпадает с минималистским прочтением замечаний Сталина (на памфлет Энгельса), уравнивающим по степени агрессивности все абсолютистские режимы и буржуазные государства с их колониально-имперскими амбициями. Конец «холодной войны», в том числе и на идеологическом фронте, казалось бы, благоприятствовал такому историографическому повороту.

На практике все было несколько иначе. По мнению авторитетного отечественного исследователя, Екатерина II осуществляла «не завоевания ради завоевания, а обусловленные государственным интересом террито-

²⁶ Там же, 83.

²⁷ О «екатерининском буме» см.: *Елисеева О.* 1998.

²⁸ *Гриффитс Д.* 2013, 349–368.

риальные приращения»²⁹. «Игнорировать личность Екатерины II в истории нашей страны XVIII века, как то делалось у нас многие годы, или обращаться к ней для того, чтобы метнуть очередную критическую стрелу, – нельзя; Екатерина II России в немалой степени обязана взлетом своего могущества и колоссальным ростом влияния в делах и судьбах Европы»³⁰. То есть о Екатерине, как, впрочем, о любом покойнике – либо хорошо, либо ничего. В.Н. Виноградову вторит П.В. Стегний: «Принципиально важно подчеркнуть, что планы эти в части, касавшейся Балкан, не носили завоевательного характера»³¹. Иными словами, экспансионизм внешней политики Екатерины, вроде бы и признается, однако инерция защитной реакции сохраняется, сами термины (агрессия, экспансия, завоевание) минимизируются или устраняются. Имплицитно или эксплицитно (в работах менее умелых коллег³²) прослеживается тенденция оценивать столь далекие от нас имперские планы с державно-охранительных, а то и откровенно монархических позиций.

В ряде публикаций В.Н. Виноградов попытался сформулировать свою позицию, хотя и признался: «Однозначной оценке Греческий проект не поддается, – в результате сложилась, скорее, комбинация оценок, большинство из которых высказывалось ранее. – Многими чертами он тяготеет к прошлому, он был навеян воспоминаниями о величии Византии. <...> Проект явно химерический: Османская империя, хоть и была больна, испускать дух не собиралась; большинство европейских монархов стремились выступить в качестве ее лекарей, а

²⁹ Виноградов В.Н. 2001, 138.

³⁰ Там же, 139-140.

³¹ Стегний П.В. 2002, 107. Автор показал, между прочим, что австрийская сторона была заинтересованным и активным участником гипотетического дележа турецкого наследства в период подготовки и обсуждения «греческого проекта».

³² К тому же они содержательно вторичны: Коршунова Н.В. 2003; Девтеров А.А. 2003, 105-123; Лупанова М.Е. 2008.

не гробовщиков. В документе отсутствует идея славянской взаимности, равно как и желание воплотить принцип национальности»³³. Новизну «греческого проекта» Виноградов увидел в идее воссоздания государственности христианских народов, которая, трансформировавшись, воплотилась во многих проектах и решениях балканского вопроса в более позднее время. То же можно сказать об отказе от территориального расширения Российской империи в пользу политической экспансии. От этих постулатов, правда, как признает Виноградов, в дальнейшем «допускались отступления...», и пока что оба выступали, скорее, как варианты»³⁴.

Одним из популярных толкований истории внешней политики и международных отношений в постсоветской России стала геополитика как некая замена привычного фундаментализма в виде классовой борьбы и динамики способов производства³⁵. В этом отношении характерно наименование одной из монографий О.И. Елисеевой, цитировавшейся выше. Следует, однако, помнить, что геополитика – это определенный способ видения международных отношений, возникший в эпоху империалистической горячки конца XIX и мировых войн XX в., легитимирующим обоснованием которых он сам служил. Применение данной модели для анализа более ранних эпох может быть только метафорическим³⁶.

³³ Век Екатерины II... 2000, 215. Этой коллективной монографии предшествовал сборник статей: Век Екатерины II... 1998. В дальнейшем на данную тему Виноградов выступал неоднократно, например, Славянские народы... 2003, 106–115. История Балкан. 2004, 136–145. *Виноградов В.Н.* 2010, 117–124.

³⁴ Век Екатерины II... 2000, 216.

³⁵ См., например: Геополитические факторы... 2007.

³⁶ Ср. гораздо более осторожную позицию: *Ливен Д.* 2007, 418–419. «Современные западные критерии разграничения экспансионизма и необходимой защиты собственных интересов плохо подходят для описания исторической ситуации в мире до двадцатого века. Безжалостная и хищническая европейская система международных отношений неумолимо вы-

По мнению Елисеевой, «греческий проект» был поддержан влиятельным кругом противников Н.И. Панина с его «северной системой» – П.В. Завадовским, А.Р. Воронцовым и А.А. Безбородко. Непосредственно соавтором последнего выступала в составлении проекта и сама императрица, продолжавшая таким образом «петровскую линию» в русской политике на юге. Временный попутчик этой группировки в борьбе с Паниным, один из архитекторов «восточной системы», сторонник, скорее, тактического, нежели стратегического союза с Австрией Г.А. Потемкин выдвинул более реалистичный «крымский проект». Содержательно он восходил к ранним акциям правительства Софьи. «Необходимо признать, что два проекта: “Греческий” и “Крымский” – были выдвинуты разными политическими партиями, действовавшими при русском дворе. Проекты ставили перед Россией совершенно разные цели. “Греческий” нацеливал страну на решение грандиозной задачи полного изгнания турок из Европы силами двух союзных государств с возможным привлечением Франции и Англии и раздела владений Оттоманской Порты. Записка “О Крыме” предусматривала присоединение полуострова к империи и уничтожение ханства силами одной России. Именно этот проект и был впоследствии успешно реализован», поскольку ловкий Потемкин вовремя сумел подменить один проект другим³⁷. Впрочем, и «греческий

нуждала все великие державы постоянно заботиться об увеличении своей мощи для защиты собственных интересов. Территориальная экспансия была одним из традиционных методов, которыми государства пользовались, чтобы склонить чашу весов в свою сторону» Там же, 423.

³⁷ Елисеева О.И. 2000, введение, гл. 2. Елисеева О.И. 2005, 244–280. Здесь Елисеева развивает некоторые мысли, высказанные ранее составителем кн.: Екатерина II и Г.А. Потемкин. 1997.

проект» сохранил свое значение после присоединения Крыма к России как перспектива дальнейших действий³⁸.

В целом для постсоветских историков внешней политики и международных отношений оказался привлекательным отказ от больших обобщений – путь погружения в хитросплетения дипломатической интриги, которое, конечно, сулит немало открытий, но не компенсирует план интерпретации³⁹. Однако, тренд неопозитивизма или обновленного ранкеанства – это только часть исследовательского процесса, характеризующая метаморфозы постсоветской историографии. Синхронно ему развивался другой тренд – экспансия литературоведов на «территорию» историков. Эта традиция была представлена ранее в исследованиях представителей «московско-тартуской школы» и речь в них шла, кроме прочего, об идеологических аспектах имперского строительства попетровского времени.

В постсоветский период культурно-символические аспекты политики Екатерины II, включая «греческий проект», были специально рассмотрены в книге А. Зорина. Проанализировав историографию вопроса, он пришел к выводу: «Авторы, пишущие на эти темы, обычно ограничиваются сферой дипломатии и придвор-

³⁸ Елисеева О.И. 2010, 433. Елисеева, критикуя мелодраматическую и пошло-сенсационную манеру толкования прошлого в исполнении Э. Радзинского (Елисеева О. 1998), не удержалась от романтизации своего главного героя Г.А. Потемкина и его современников в консервативном духе. Образцом для нее стали ностальгические замечания К.Н. Леонтьева и особенно В.В. Розанова о твердых государственныхниках и цельных характерах XVIII века, еще не увядших под игом цивилизации.

³⁹ Показательно, например, высказывание М.А. Петровой: «Существует немало работ по истории “греческого проекта”. В рамках настоящего исследования целесообразно остановиться лишь на одном аспекте, а именно на позиции Австрии – второго, изначально предполагаемого участника раздела Турции, без содействия которого задуманное предприятие не состоялось бы». Петрова М.А. 2011, 219-220.

ной политики, почти не принимая во внимание символическое измерение проекта. Между тем для оценки как источников проекта, так и исторического значения замысла императрицы именно это измерение может оказаться едва ли не решающим»⁴⁰. По убеждению Зорина, «... ко времени рождения в 1779 г. великого князя Константина Павловича проект уже существовал в достаточно разработанном виде»⁴¹.

Его генезис отнесен к началу 70-х гг. – первой в царствование Екатерины II русско-турецкой войне и Средиземноморской экспедиции русского флота. Новизна же высказанных тогда идей заключалась в том, что «в заданной “греческим проектом” системе координат религиозная преемственность как бы по умолчанию приравнивается культурной. <...> Смешение византийских и античных мотивов мы постоянно видим, в частности во всей атрибутике проекта, включая уже упоминавшиеся торжества по случаю рождения Константина и программу его воспитания.

Этот логический *tour de force* кардинально менял представления об исторической роли и предназначении России. Если традиционно считалось, что факел просвещения перешел из Греции в Рим, оттуда был подхвачен Западной Европой и из ее рук был принят Россией, то теперь Россия оказывалась связана с Грецией напрямую и не нуждалась в посредниках»⁴².

Одним из источников этой идеологической системы была известная переписка Екатерины II с Вольтером пери-

⁴⁰ Зорин А. 2001, 33. Общая гипотеза Зорина, огрубляя, сводится к тому, что литературное поле в исследуемый период являлось главным поставщиком материала для строительства государственных идеологий, которые в свою очередь, с опорой на К. Гирца, рассматриваются, по преимуществу, как «культурные (символические) системы».

⁴¹ Там же. Как указывает Зорин, «греческий проект» угадывается в наименовании двумя годами ранее первенца Павла Петровича Александром. Там же, 62-64.

⁴² Там же, 36-37.

ода войны 1768–1774 гг. Однако влияние фернейского мудреца на мысли императрицы весьма ограничено: «У Вольтера Екатерина могла почерпнуть видение освобожденной Греции как царства возрожденной Античности, своего рода подстановку Афин на место Константинополя. Однако несущие звенья всей конструкции “греческого проекта”: идея сложной исторической преемственности Греции и России, связь между церковной и культурной преемственностью, утопия братской унии двух империй на основе общей религиозно-культурной идентичности – были совершенно чужды французскому философу»⁴³. Гораздо ближе им неоклассицизм Винкельмана и предшествовавшее романтикам учение Гердера, однако их труды в России в то время еще почти не знали.

Новые элементы были выработаны спонтанно в одической поэзии (не без влияния греческого национального просвещения) под впечатлением от похода русских кораблей в Средиземноморье. И хотя ставившиеся перед ними цели не были достигнуты, а восстание на Пелопоннесе потерпело неудачу, «запущенные морейской экспедицией культурные механизмы начали работать самостоятельно и уже почти не зависели от сиоми-нутной военной и политической конъюнктуры»⁴⁴.

Один из поэтических изобретателей «... Павел Потемкин был двоюродным братом и близким сотрудником будущего фаворита, а [другой – Василий] Петров – его давним и близким другом, с которым он в эти годы, находясь в армии Румянцева, постоянно переписывался и через которого поддерживал сообщение с императрицей. Зная литературные интересы Потемкина, естественно предположить, что он должен был быть внимательным читателем произведений, созданных близкими ему людьми и посвященных волновавшим его событиям. Именно ему предсто-

⁴³ Там же, 45.

⁴⁴ Там же, 53.

яло превратить систему поэтических метафор в развернутую политическую программу»⁴⁵.

Исследование имперской мифологии екатерининского времени было продолжено В. Проскуриной. Она отвергла использованные Зориным и давшие старт «новому историзму» подходы К. Гирца, методологические основания данного направления в ее книге оцениваются крайне низко⁴⁶. На самом деле методология обоих авторов восходит к общему источнику – «советской семиотике» (изучению «вторичных моделирующих систем»)⁴⁷, будучи обогащена некоторыми иными моделями. В случае Проскуриной – это теория пересекающихся социальных полей П. Бурдьё с учетом способов интерпретации «символических форм» у Э. Кассирера и его последователей. Однако заимствованный у Бурдьё тезис о наложении «поля политики» на «поле литературы» в екатерининской империи – именно то, под чем мог бы подписаться и Зорин⁴⁸. В подобной стратегии культура

⁴⁵ Там же, 59. Ср. у Елисеевой, которая отзывается здесь на другую работу (*Экшут С.А.* 1998, 38): «Рассуждая о круге деятелей искусства и литературы, воплотивших в своих произведениях идеи “Греческой проекта”, исследователь довольно четко определяет именно тех художников и поэтов, которым покровительствовали А.А. Безбородко и А.Р. Воронцов (имя последнего не звучит в книге) – это Д.Г. Левицкий, Н.А. Львов, Г.Р. Державин, И.И. Хемницер, И.И. Дмитриев. Все они были связаны узами дружбы и патронажа именно с представителями придворной партии Воронцова, куда из крупных вельмож входили еще Безбородко и П.В. Завадовский. В их кругу идеи “Греческого проекта” оттачивались и принимали ту форму, в которой высказаны Безбородко в “Мемориале по делам политическим” 1780 г.». *Елисеева О.И.* 2000 (введение).

⁴⁶ *Проскурина В.* 2006, 5-8.

⁴⁷ Явственно эта наследственность выражена, например, *Гончарова О.М.* 2008.

⁴⁸ Различие между ними проявляется в том, что Проскурина видит в имперском мифотворчестве эпохи Екатерины II

(литература) не является простым довеском к политике или служанкой идеологии, напротив, она представляет, пусть и мифологическим, ресурсом принятия политических решений в условиях дефицита средств осмысления реальности и мотивации действий. Таким образом, «мифологический» подход позволяет уйти от модели совершенного «рационального выбора» и основательно переосмыслить сферу политики.

Данный вызов не вполне воспринят профессиональными историками – разрыв между прагматическим и символическим планом внешнеполитического проектирования в текущих исследованиях сохраняется. Историки редко обращаются к исследованиям литературоведов⁴⁹, а последние не всегда учитывают позиции историков. Например, Зорин не упоминает о мнении Елисеевой, хотя суждения двух авторов о роли Г.А. Потемкина в «греческом проекте» серьезно расходятся.

Впрочем, имеется хотя бы одно существенное исключение: в коллективном труде трех авторов, посвященном первой экспедиции русского флота в Средиземноморье, прямо ставится задача уравнивания «политики» и «культуры»: «Кажется, настало время разобраться, в какой мере импульсом для повышения внимания России к Средиземноморскому бассейну стали культурные и религиозные представления эпохи, разделяемые Екатериной и людьми из ее окружения, как они соединялись с реалистичным политическим расчетом, как повлияли на формы и методы внешнеполитических действий»⁵⁰.

В последние годы «греческий проект» обрел и ряд телевизионных интерпретаций. Первая из них – 7 серия

всплеск запоздавшего классицизма, а не переизобретение идей Винкельмана и Гердера.

⁴⁹ Петрова не вполне справедливо отнесла Зорина к зачинателям «новой имперской истории»: *Петрова М.А.* 2011, 34.

⁵⁰ *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* 2011, 18. Впервые подобная задача была контурно сформулирована: *Смилянская И.М.* 1995.

проекта Ф. Разумовского «Кто мы? История, распятая в пространстве» (2006) выдержана в характерных имперско-ностальгических тонах, замешана на многозначительных восклицаниях и смутно-поэтических реминисценциях. Вторая – на канале «365 дней» – представляет собой беседу с двумя авторитетными историками – Е.Б. Смилянкой и М.А. Петровой. При этом ведущий направляет этот, в общем-то, весьма содержательный разговор в русло актуально-политических или, точнее, геополитических коннотаций, а проиллюстрирован он кадрами из фильма «Адмирал Ушаков». Наконец, последний по времени проект – 6-минутный ролик из серии «Династия. Россия времен Романовых» имеет юбилейный характер и заказан федеральным каналом. Его ведущий, обозреватель РИА «Новости» с подходящим именем Петр Романов, по видимости, опирался на исследование Зорина, профанируя его псевдоинтеллектуальным цинизмом и толикой модного антизападничества. Проект Романова вышел под общей рубрикой «Осторожно, история!», что демонстрирует изрядные потенции к мимикрии и всеядности медийного рынка. Впрочем, тактика поверхностного скольжения и легкой издевки, которая, по замыслу, нейтрализует патетику, оказалась крайне нестойкой и уже уступила, вспоминая недавнюю реорганизацию РИА «Новости», под натиском «сильной» державно-патриотической позиции.

Список сокращений

НиНИ – Новая и Новейшая история

Литература

Ари Г.А. 2013: Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М.

Белов М.В. 2012: Балканская парабола: проект «адриатической экспедиции» в контексте «наполеоновских войн» (1812) // Русский сборник. XIII, 7–26. Режим доступа: <http://iarex.ru/Книги/book98.pdf>.

- Брандербергер Д.Л.* 2009: Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб.
- Век Екатерины II... 1998: Век Екатерины II: Россия и Балканы / И.И. Лещиловская (ред.). М.
- Век Екатерины II... 2000: Век Екатерины II. Дела балканские / В.Н. Виноградов (ред.). М.
- Виноградов В.Н.* 2001: Дипломатия Екатерины Великой // НиНИ. 3, 131–150.
- Виноградов В.Н.* 2010: Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М.
- Геополитические факторы... 2007: Геополитические факторы во внешней политике России: Вторая половина XVI – начало XX века. К столетию академика А.Л. Нарочницкого / С.Л. Тихвинский (ред.). М.
- Гончарова О.М.* 2008: Крым как Византия (вторая половина XVIII века) // Крымский текст в русской культуре. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г. / Н. Букс, М. Н. Виролайнен (ред.). СПб., 7–22.
- Гриффитс Д.* 2013: Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет. М.
- Данилова Е.П.* 1946: «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института. 2, 203–270.
- Девтеров А.А.* 2003: Греческий вопрос в политике Российской империи во второй половине XVIII – первой трети XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Майкоп.
- Достян И.С.* 1972: Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М.
- Достян И.С.* 1991: Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К. Маркса и Ф. Энгельса? // Советское славяноведение. 2, 3–16.
- Елисеева О.* 1998: «Княжна Тараканова» от Радзинского // Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М.
- Елисеева О.И.* 2000: Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М.
- Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/eliseeva_oi/index.html.
- Елисеева О.И.* 2005: Григорий Потемкин. М.
- Елисеева О.И.* 2010: Екатерина Великая. М.
- Зорин А.* 2001: Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.

- Институты... 2005: Институты нашей памяти: архивы и библиотеки в современной России // Новое литературное обозрение. Специальный выпуск. 4 (74).
- История Балкан. 2004: История Балкан. Век восемнадцатый / В.Н. Виноградов (ред.). М.
- Копосов Н. 2011: Память строгого режима: История и политика в России. М.
- Кориунова Н.В. 2003: Восточный вектор геополитики Екатерины II: «Греческий проект» // Вестник Челябинского университета. Сер. 10. 1, 62-68.
- Левинсон А.Г. 1996: Массовые представления об «исторических личностях» // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 252-267.
- Ливен Д. 2007: Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.
- Екатерина II и Г.А.Потемкин. 1997: Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 / В.С. Лопатин (ред.). М.
- Лупанова М.Е. 2008: «Греческий проект» Екатерины Великой // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 65, 198-207.
- Маркова О.П. 1958: О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // История СССР. 4, 52–78.
- Миллер А.Ф. 1947: Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XIX века. М.; Л.
- Нарочницкий А.Л. 1950: Значение письма И.В. Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”» для советской исторической науки. М.
- Очерки... 1956: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века. М.
- Петрова М.А. 2011: Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза. 1780–1790. М.
- Проблемы... 1986: Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России / А.Л. Нарочницкий (ред.). М.
- Проскурина В. 2006. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.
- Славянские народы... 2003: Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. / И.И. Лециловская (ред.). М.
- Смилянская И.М. 1995: Восточное Средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.) // Восток. 5, 68-81.

- Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* 2011: Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.
- Сталин И.В.* 1941: О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // *Большевик*. 9, 3-4.
- Станиславская А.М.* 1962: Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.
- Стегний П.В.* 2002: Еще раз о Греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // *НиНИ*. 4, 100-118.
- Тиктопуло Я.* 1991: Мираж Царьграда // *Родина*. 11-12, 57-60.
- Шеремет В.* 1996: Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М.
- Экштит С.А.* 1998: На службе российскому Левиафану. М.